

В.В. Антропова

УЧЕННЫЕ ДУМАЮТ О СВОИХ ТРУДАХ, РАБОТАЯ ПРИ СВЕТЕ КОПТИЛКИ...

22 июня 1941 года гитлеровские полчища перешли границу нашей Родины. В этот день и в наш мирный Институт незваной гостьей вошла война. Один за другим уходили на фронт мужчины. В непривычной военной форме они наскоро забежали в Институт привести в порядок дела, торопливо прощались, попросив помогать семьям. Матери же со слезами отправляли ребятшек в далекую эвакуацию.

25 июня предельно краткий приказ по Институту: «Музей для посетителей закрыт до особого распоряжения». Удары молотков, визг пил, шуршание бумаги заменили в залах голоса экскурсоводов. Спешно делались ящики и в них упаковывались коллекции. Но вот забит последний ящик, уложены уникальные и наиболее ценные предметы. С коллекциями второй очереди труднее — не достает тары, израсходован упаковочный материал. Но и эта работа выполнена.

Враг с каждым днем приближается к городу. Началась подготовка Ленинграда к обороне. Сотрудники целыми группами уезжают на строительство оборонных сооружений. В них участвовали не только трудоспособные, но и те, кто не подлежал мобилизации на трудовом фронте, — К.В. Вяткина, Л.Э. Каруновская, Г.С. Григорьев и другие. Оставшиеся в Институте шили мешки, таскали песок и воду на чердаки, заклеивали и маскировали окна.

Сентябрь—октябрь 1941 года. Сомкнулось кольцо вражеской бло-

Валентина Васильевна Антропова, научный сотрудник Отдела Сибири. Всю блокаду работала в Институте. Награждена орденом «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда».

кады. Плохо с продовольствием, сокращается паек. Учащаются налеты фашистских стервятников. По ночам в погруженный во мрак город сыплются тысячи зажигательных бомб. За ними со свистом и грохотом падают тяжелые фугаски. Часть сотрудников переведена на казарменное положение, чтобы обеспечить противопожарную охрану Музея. Круглосуточное дежурство на чердаках. В одну из темных осенних ночей на здания Института и фондов падают зажигалки, но они быстро потушены С.В. Ивановым, Н.Н. Тихоницкой, В.В. Федоровым и Л.И. Судаковым. 18 октября 1941 года общими силами всего коллектива был потушен пожар на башне Института, куда под перекрытие попала зажигательная бомба.

В те осенние дни впервые в повседневную разговорную речь вошло страшное слово «дистрофия». Первой жертвой голода в Институте стала Н.П. Дыренкова.

Ноябрь—декабрь. Дни становятся короче и темнее, холод ощутительнее, вышел из строя водопровод, выключено электричество, через выбитые окна залетает снег, гуляет ветер. Все настойчивее дает о себе знать голод. Люди пухнут, болеют или просто падают и умирают. Но жизнь все еще теплится в стенах Института. Уполномоченный Р.И. Каплан-Ингель собирает еле двигающихся сотрудников, чтобы кусками фанеры заделать зияющие провалы в окнах. Ученые думают о своих трудах, работая при свете коптилки...

16 декабря на заседании Ученого совета филфака защитил диссертацию А.Н. Кондауров. Деятельно готовится к защите Н.Н. Тихоницкая. Д.А. Ольдерогге пишет докторскую диссертацию. Г.И. Петров читает лекции, пишет актуальные статьи по расовой проблеме.

Страшные январь и февраль 1942 года. Почти каждый день печальное известие о чьей-нибудь смерти. Из 33 человек, умерших в блокаду, 29 сотрудников Института умерли в эту холодную зиму. Но 1942-й год принес немало и радостей: разгром немцев под Тихвином, открылась Дорога жизни, увеличены нормы выдачи продуктов. В феврале часть сотрудников эвакуировалась на Большую землю. Суровая зима постепенно уступала свою власть. Люди поокрепли, и с наступлением весны все, кто мог держать лопату в руках, вышли на улицу, чтобы очистить город от снега и нечистот. И с этой работой коллектив справился.

Лето 1942 года. Ожидается новое наступление фашистских орд. В июне в Институте остается только небольшая группа сотрудников для охраны музейных коллекций, остальные эвакуируются. Ленинград подвергается ожесточенным артиллерийским обстрелам. Здание Институ-

та разукрашено следами осколков от снарядов. Внутри его мощные каменные доты, в сооружении которых принимают участие сотрудники Института. Они же зафанеривают слишком часто вылетающие окна, а в тихие дни вскрывают ящики с коллекциями: посмотреть, не завелась ли там моль.

Зима 1942/43 года была встречена во всеоружии: заготовлено топливо, улучшились бытовые условия, нормализовалось питание, но лучшей пищей были радостные известия с фронта.

Лето 1943 года. В каждый ясный солнечный день по всему двору натягивались веревки, на которых сушились и чистились меховые вещи. Вот запись из дневника того времени: «6/VI сушили сундук 8—158 вещей; 7/VI — обувь из морилки — 188 вещей... 20/VI — сушили мелкие вещи — 483 предмета» и т.д. И так до конца теплых и сухих дней.

В 1943 году оживилась и научная жизнь. В августе была организована научно-исследовательская группа историков под руководством Ю.П. Францева, ученым секретарем которой была назначена К.В. Вяткина.

27 января 1944 года залпы первого победного салюта в Ленинграде. Темное небо осветили пучки разноцветных огней. Знакомые и незнакомые поздравляют друг друга, смеются, кричат, плачут, но это слезы радости. Радость на лицах, домах, улицах: «Блокада снята!!!».

Далее мы приведем некоторые воспоминания Валентины Васильевны Антроповой о товарищах, с которыми она работала в те забываемые годы.

Всем сибиреведам (как у нас, так и за рубежом) хорошо известно имя **Георгия Николаевича Прокофьева** — лингвиста и этнографа, заполнившего на этнографической карте Сибири большое белое пятно и ознакомившего науку с почти не известным народом — селькупам.

Он изучил их обычаи, зафиксировал культуру, в совершенстве освоил их язык, что впоследствии дало ему возможность разработать и аргументировать теорию южного происхождения самодийских народов. Но деятельность Георгия Николаевича не ограничивалась разработкой чисто научных вопросов, он являлся также автором букварей, грамматик и других учебных пособий на селькупском языке. Селькупы до сих пор хорошо помнят Георгия Николаевича, хотя с тех пор прошло много десятилетий. В те далекие 20-е годы Георгий Николаевич был среди селькупов первым учителем в первой селькупской школе. И прав был профессор В.Г. Богораз, сказав: «Благодаря своему знанию селькупского языка, Прокофьев приобрел полное доверие своих селькупских соседей. Они называют его *Рус-сель-куп*, т.е. рус-

ский селькуп». Таков был Георгий Николаевич Прокофьев — ученый и гражданин.

Григорий Давыдович Вербов прожил всего 32 года. Трудно сказать, где больше времени провел он — в аудиториях, за письменным столом или в поле, пересекая на оленних нартах безбрежные тундры Европы и Западной Сибири от стойбища к стойбищу, обучая в чумах грамоте ненецких ребятишек и ведя беседы со стариками о древних обычаях ненецкого народа. В это же время Григорий Давыдович окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, опубликовал ряд статей, принимал деятельное участие в составлении словарей, букварей и других учебных пособий на ненецком языке. Перед войной он начал работать над монографией «Ненцы», которая мыслилась как докторская диссертация.

22 июня Григорий Давыдович ушел добровольцем на фронт. Весной 1942 года сержант Вербов по рекомендации товарищей, знавших его по работе в Институте, подает заявление с просьбой принять его в ряды партии. Однако документы вернулись обратно, разрыв вражеского снаряда оборвал жизнь талантливого исследователя, большого знатока культуры и быта ненцев.

Старший научный сотрудник сектора Сибири **Николай Петрович Никульшин** — воспитанник Московского университета. После его окончания в 1931 году вместе с женой и грудным ребенком поехал на стационарную работу в Эвенкийский национальный округ. Более трех лет прожил там комсомолец Никульшин, сочетая практическую работу сотрудника культбазы со сбором этнографического материала и изучением эвенкийского языка. После Эвенкии — Ленинград, аспирантура, успешная защита диссертации. В отличие от многих этнографов 30-х годов Николай Петрович особый интерес проявил к изучению современности, что нашло отражение в его большой опубликованной работе «Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков». В первые дни войны коммунист Никульшин ушел добровольцем на фронт и погиб, защищая подступы к Ленинграду.

В числе тяжелых утрат, которые понесла этнографическая наука в годы блокады, стоит имя **Надежды Петровны Дырэнковой**.

Надежда Петровна — ученица востоковедов академика Александра Николаевича Самойловича, члена-корреспондента Сергея Ефимовича Малова и этнографа Льва Яковлевича Штернберга, была специалистом широкого профиля — этнографом, лингвистом, фольклористом. Начиная со студенческой скамьи, т.е. с 1925 года, она сочетала кабинетную работу с экспедиционной, побывала у всех тюркских народов Южной

Сибири. Этнографам хорошо известны работы Надежды Петровны в области социальной и духовной культуры тюркских народов, лингвистам — грамматика шорского и алтайского языков, фольклористам — богатейшие материалы, записанные ею у шорцев, алтайцев, хакасов.

«Шорский фольклор» — монография Надежды Петровны Дыренковой — был с интересом прочитан Алексеем Максимовичем Горьким и получил его одобрение.

Нина Александровна Липская — очень добрая скромная женщина, с радостью делившаяся со всеми тем, что имела и знала. Но за этой скромностью скрывались большие знания, большой опыт полевой работы неутомимого исследователя амурских народов, скрупулезное знание их обычаев, языка и фольклора. Нина Александровна и умерла, сидя за обработкой своих научных материалов.

Николай Борисович Шнакенбург, или попросту Шнак, как его звали друзья, связал свою судьбу с далекой Чукоткой. По рекомендации профессора Владимира Германовича Богораза, прервав учебу в университете, он поехал к чукчам и пробыл там свыше двух лет, работая учителем в чукотских и эскимосских стойбищах и селениях. Перед войной он совершил еще одну поездку на Чукотку, побывав у малоисследованной группы коряков-кереков. С большими планами поступил Николай Борисович перед войной в аспирантуру Института, но осуществить их не удалось. Солдат Николай Шнакенбург не вернулся с фронта.

Игорь Лекомцев. Если называть его полным именем, т.е. Игорем Михайловичем Лекомцевым, то даже близко знавшие его сперва должны были подумать, о ком идет речь. Для всех он был и остался просто Игорем Лекомцевым — кудрявым веселым комсомольцем, приехавшим в университет из глухой Удмуртии. Студент, затем научный работник Института этнографии, всегда имевший много творческих планов, он вел и большую общественную работу. С годами прибавлялся опыт, знания, научные статьи, авторитет, но Игорь оставался все тем же веселым чутким товарищем, надежным другом, комсомольским организатором.

Комсомол рекомендовал его в партию. После окончания Высшей партийной школы И. Лекомцев работал в Приморском райкоме партии, однако связи с Институтом не порывал, готовясь писать диссертацию. Но началась война. Игорь Лекомцев ушел добровольцем на фронт, где и оборвалась жизнь этого замечательного человека, многообещающего научного работника.